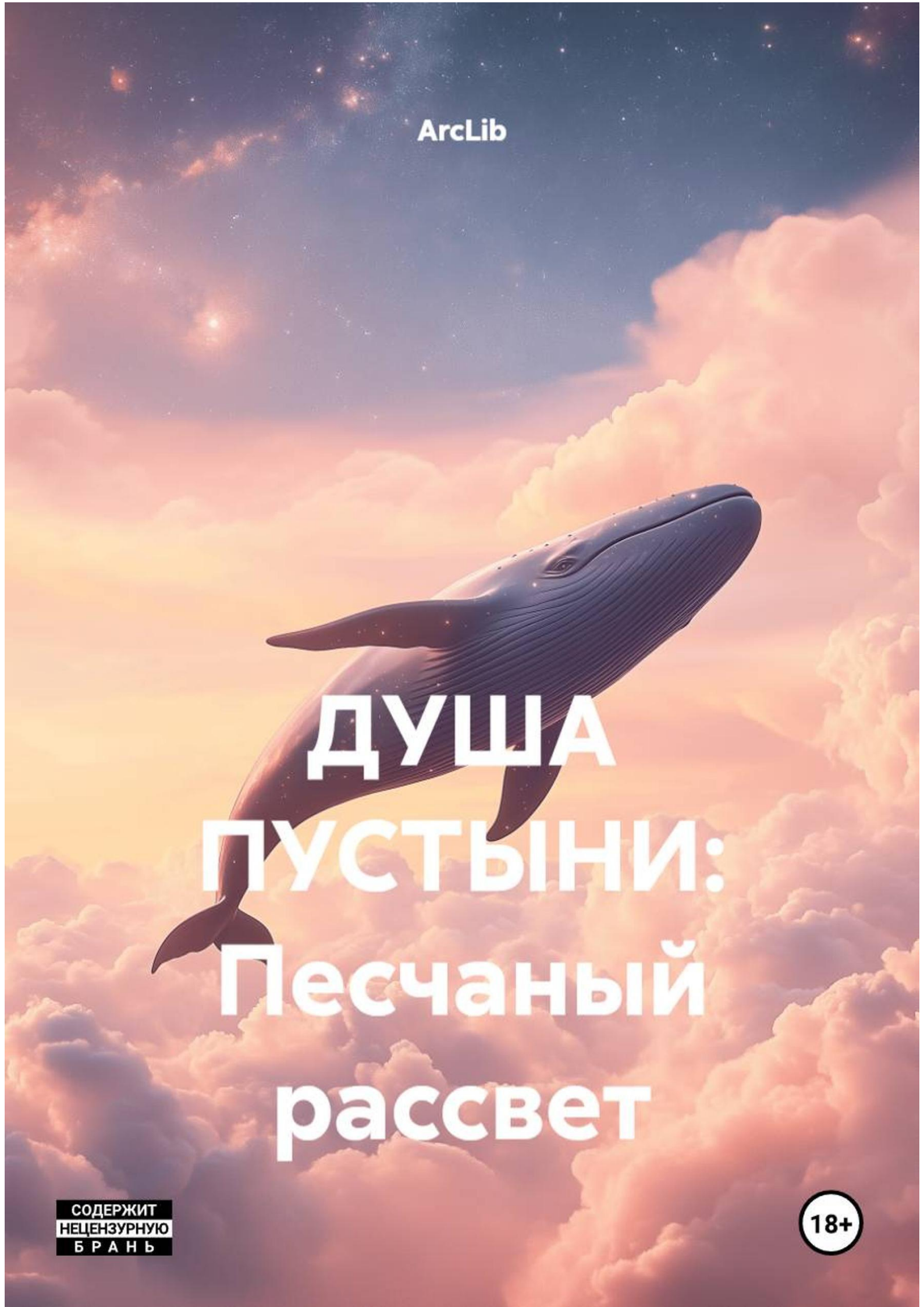

ArcLib

A large whale is depicted swimming upwards through a sky filled with soft, pinkish-orange clouds. The sky transitions from a deep blue at the top, where a few stars are visible, to a warm orange near the horizon. The whale's body is dark and textured, with its eye and blowholes visible. The overall mood is dreamlike and ethereal.

ДУША ПУСТЫНИ: Песчаный рассвет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ArcLib

**ДУША ПУСТЫНИ:
Песчаный рассвет**

«Автор»

2026

ArcLib

ДУША ПУСТЫНИ: Песчаный рассвет / ArcLib — «Автор»,
2026

Представь: тебе двадцать два. Ты просыпаешься по ночам от того, что лёгкие горят, будто в них насыпали песка. Ты носишь маску с фильтрами, потому что иначе — смерть за пару часов. У тебя есть старый отцовский револьвер, пять патронов и цель, над которой смеются в каждом салуне. Рейн Харт идёт через пустыню. Где-то в Глубинной Пустыне спрятана Душа Пустыни. Одни говорят — Лекарство от бессмертия. Другие — что ничего там нет, кроме песка и смерти. Третьи считают, что всё это выдумки старого ковбоя, повешенного сорок лет назад. Но Рейн идёт. Потому что выбора нет. По пути встречаются люди. Кто-то остаётся с ним, кто-то уходит. За спиной — Гильдия Закона, которой не нужны те, кто задаёт вопросы. Это вестерн. Здесь пахнет порохом. Песок хрустит на зубах. Корабли ходят по барханам, как по воде. Солнце жжёт нещадно, а ночью звёзды висят так низко, что, кажется, можно достать рукой. Первая книга. Дальше — больше.

Содержание

ПРОЛОГ: ПЫЛЬНЫЙ КОРОЛЬ	5
ГЛАВА 1. СТАНЦИЯ НОЛЬ	7
ГЛАВА 2. ЛОГОВО МАДАМ РЖАВОЙ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ДУША ПУСТЫНИ: Песчаный рассвет

ПРОЛОГ: ПЫЛЬНЫЙ КОРОЛЬ

В пустыне нет памятников.

Это первое, что узнаёт каждый, кто родился под этим бескрайним небом. Песок заметает всё — кости, корабли, города, имена. Пройдёт год, и от великой битвы не останется следа. Пройдёт десять — и никто не вспомнит, где стоял тот салун, в котором ты пил свой первый ром. Пустыня не хранит прошлое. Она его пожирает.

Но есть вещи, которые не исчезают. Истории. Легенды. Они передаются из уст в уста — от отца к сыну, от бармена к посетителю, от одного скитальца к другому у ночного костра. И сколько бы песка ни намело, сколько бы лет ни прошло — некоторые имена остаются.

Сайлас Бун.

Пыльный Король.

Никто не знал, откуда он пришёл. Одни говорили, что он родился в бедной семье у Железной Дороги и с детства мечтал увидеть, что там, за горизонтом. Другие — что он был разбойником с большой дороги, которого поймали, приговорили к смерти, но он сбежал из-под самой виселицы и ушёл в Пекло, потому что идти было больше некуда. Третьи вообще считали, что он не человек, а дух пустыни, принявший облик ковбоя — высокий, сухой, с глазами цвета выжженной земли и улыбкой, в которой не хватало трёх зубов.

Сам Сайлас никогда не спорил. Когда его спрашивали, кто он такой на самом деле, он только улыбался — той самой улыбкой, без трёх зубов — и говорил: «Думайте что хотите. Правда всё равно интереснее».

Правда же была проще и сложнее одновременно.

Он был человеком. Просто человеком, который однажды решил, что пустыня не может быть бесконечной. Что где-то там, за Пеклом, должно быть что-то ещё. И он отправился это что-то найти.

Он пересёк Глубинную Пустыню.

Не в одиночку — с ним была команда. Верные люди, которые верили в него так же сильно, как он верил в свою цель. Кто они были и что с ними стало — теперь уже не помнит почти никто. Сорок лет — долгий срок даже для легенд.

Десять лет о Сайласе не было слышно. Десять лет его считали погибшим. В салунах поднимали кружки за упокой его души, а потом перестали и это — мёртвых в пустыне слишком много, чтобы помнить каждого. Над его именем смеялись. Называли безумцем. Говорили: «Сдох где-то в барханах, и песок его заberi».

А потом он вернулся.

Он вышел из Пекла, как призрак. Оборванный, худой до костей, с обветренным лицом, на котором прибавилось шрамов. Левой руки не было — говорили, её откусил Червь, огромный подземный монстр, с которым Сайлас сражался где-то в сердце Глубинной Пустыни. Но в единственной правой руке он держал то, чего не было ни у кого.

Знание.

Он знал то, чего не знал никто. Он говорил, что пустыня — не мёртвая. Что над песками парят города на огромных дирижаблях — платформы, соединённые канатами и мостами. Что под землёй есть целые поселения, где живут те, кто ушёл с поверхности. Что где-то там, в самом сердце Пекла, спрятано нечто, ради чего стоит жить. И умирать.

Одни говорили — это Лекарство от бессмертия. Другие — несметные сокровища, золото и спексы, которые невозможно потратить за сотню жизней. Третьи считали, что Сайлас всё

выдумал, что нет там ничего, кроме песка и смерти. Четвёртые — что он нашёл истину, которую нельзя объяснить словами, и поэтому молчит о главном.

Сам он называл это Душой Пустыни.

«Там, за Песками, есть ответ, — говорил он. — Идите и найдите его. Я оставил его там. Душа Пустыни — не сказка. Я видел её».

Люди слушали. Кто-то верил, кто-то смеялся, кто-то собирал команду и уходил в Пекло — чтобы не вернуться. А Сайлас просто бродил от города к городу, от салуна к салуну, и рассказывал свою историю всем, кто готов был слушать.

Гильдия Закона слушала особенно внимательно.

Им не нравилось то, что рассказывал Сайлас. Им не нравилось, что люди верят ему — старому ковбою без руки, у которого нет ни власти, ни денег, ни армии. Им не нравилось, что его легенда вдохновляет больше, чем все их законы и приказы вместе взятые. Они боялись его — а страх в этом мире всегда приводит к одному и тому же.

Они охотились на него годами. Посылали лучших стрелков. Назначали награды. Серебряные Звёзды и даже Золотые Стражи выезжали на его поиски — и возвращались ни с чем. Сайлас знал пустыню, как никто другой. Он мог раствориться в мираже, уйти в подземные туннели, исчезнуть в песчаной буре. Он смеялся над ними.

Но никто не может бегать вечно.

Его поймали не в бою. Его предали. Кто-то из своих — из тех, кому он доверял, — сдал его Гильдии за мешок спексов. Его схватили ночью, в старой шахте, где он прятался после очередного перехода. Он не успел достать револьвер.

Говорят, на казни он не просил пощады. Говорят, он стоял на эшафоте с поднятой головой и смотрел на своих убийц без страха. Говорят, он улыбался — той самой улыбкой, без трёх зубов. А потом сказал:

— Вы думаете, я умираю? Нет. Я просто ухожу туда, где уже был. А вы останетесь здесь — с вашим страхом, с вашей ложью, с вашими бумажками и наградами. Но правда всё равно выйдет наружу. Она всегда выходит. Пустыня позаботится об этом.

Его повесили на рассвете. Тело бросили в Пекло — туда, где песок заметает всё. Но легенду не похоронишь. Она живёт своей жизнью — как ветер, как песок, как сама пустыня.

С тех пор прошло сорок лет.

Тысячи людей уходили в Глубинную Пустыню, чтобы найти то, что нашёл Сайлас Бун. Большинство не вернулось. Но те, кто вернулся, говорили одно: там, в сердце Песков, действительно что-то есть.

И теперь туда отправляется он.

Парень в маске. С револьвером на бедре. С болезнью, которая убьёт его раньше, чем пустыня. Ему двадцать два года. Он не знает, что такое Душа Пустыни — Лекарство от бессмертия, сокровище или просто сказка. Но он знает другое.

Он знает, что Гильдия Закона убила его родителей.

Он знает, что Гильдия убила Сайласа Буна.

Он знает, что где-то в этом мире есть человек, который пришёл в их дом, когда ему было двенадцать, и оставил два тела на полу. Человек, чьего лица он не видел — только тень, только плащ, только силуэт в дверном проёме. Этого достаточно. Он найдёт ответ.

Или умрёт.

Третьего не дано.

ГЛАВА 1. СТАНЦИЯ НОЛЬ

Солнце висело над Станцией Ноль, как старая ржавая монета, которую кто-то забыл на небе.

Так это место называли местные — те немногие, кто вообще о нём знал. На картах его не было. Гильдия Закона не патрулировала эти земли — какой смысл? Здесь нечего было охранять, здесь нечего было красть. Здесь вообще ничего не было, кроме ржавчины, песка и ветра.

Когда-то, много лет назад, здесь кипела жизнь. Станция была узловой — поезда приходили с востока и уходили на запад, гружённые товарами, людьми, припасами. Рельсы убегали к самому горизонту, и мальчишки из окрестных посёлков мечтали стать машинистами. Но потом Железная Дорога умерла. Составы перестали ходить. Депо опустело. И станция превратилась в свалку — сюда со всей округи свозили хлам, который уже никому не был нужен.

Рядом со станцией, на отшибе, ютилась маленькая деревушка — пара десятков домов, сколоченных из чего попало. Здесь жили бедняки. Они рылись в мусоре, добывали металл, сооружали из хлама мини-байки и прочий транспорт. Жизнь была тяжёлой, но честной. Местные привыкли к станции и к её тишине. И к человеку, который жил в старом пассажирском вагоне на краю депо.

Ветер здесь был особенным. Он не просто дул — он разговаривал. Завывал в пробитых цистернах, гудел в пустых трубах, шелестел спутанными проводами, которые торчали из песка, как мёртвые змеи. Иногда казалось, что станция поёт свою собственную песню — тоскливую, безнадежную, бесконечную. Местные называли это место Котлом — потому что летом здесь было не продохнуть от жары, а зимой ветер пробирал до костей.

Груды металла громоздились до самого горизонта. Остовы вагонов лежали на боку, пробитые ржавчиной, оплетённые сухими колючками. Рельсы, шпалы, сцепки, котлы, трубы — целое кладбище вещей, которые когда-то работали, а теперь были просто мусором.

Здесь никто не жил.

Кроме одного человека.

Он стоял на крыше старого пассажирского вагона — там, где ржавый металл прогибался под ногами, образуя некое подобие смотровой площадки. Отсюда было видно всё: и бесконечное море ржавчины внизу, и далёкую линию барханов на горизонте, и небо — серое, выцветшее, как старая рубашка.

Ветер трепал полы его длинного пыльника. Когда-то он был коричневым, но солнце и песок сделали его серым. Нижний край был рваным — не для красоты, просто ткань истлела от времени. На локтях и плечах темнели грубые металлические заплатки, приклепанные вручную. Кое-где торчали нитки, кое-где — заклёпки. Этот пыльник прошёл с ним через всё.

Широкополая шляпа бросала тень на лицо. Шляпа тоже знала лучшие времена — поля обтрепались, тулья пошла трещинами, а лента, когда-то чёрная, выцвела до серого. Но форму она держала. Как и её хозяин.

Из-под шляпы выбивались длинные пряди волос. Белые. Не седые — именно белые, как пепел, как соль на дне высохшего озера. Ему было едва за двадцать. Он не был стариком. Но волосы стали такими несколько лет назад, когда началась болезнь.

На лице сидела маска.

Она закрывала нижнюю половину лица — нос, рот, подбородок. Спереди выступал квадратный фильтр с частой металлической решёткой, за которой темнел уголь. По бокам крепились два круглых баллончика — маленькие чекушки, похожие на патронные гильзы, только шире. В них он засыпал смесь: активированный уголь из старых промышленных фильтров, которые он находил в развалинах депо, толчёные сухие травы, купленные у караванщиков —

верблюжью колючку, полынь, шалфей, — и минеральную крошку из разбитых кирпичей. Всё это он растирал в пыль, смешивал в нужных пропорциях, засыпал в баллончики.

Рецепт он вывел сам. Методом проб и ошибок. Слишком много угля — смесь душила. Слишком мало — не фильтровала. Слишком много трав — начинала гнить. Он задыхался, кашлял кровью, терял сознание прямо на полу вагона. Соседи из деревушки думали, что он вот-вот умрёт. Иногда он сам так думал.

Но он вставал и пробовал снова. Пока не получилось.

Теперь маска работала. Смесь фильтровала воздух, задерживала пыль и грязь, замедляла болезнь. Без маски он начинал задыхаться через пару часов — лёгкие горели, горло сжималось, перед глазами плыли тёмные пятна. С маской он мог дышать. Не как здоровый человек, но достаточно, чтобы жить.

Ремни из грубой кожи охватывали затылок и уходили под волосы. Они натёрли кожу до мозолей, но он давно перестал это замечать. Как и многое другое.

Никто не знал, как его зовут. Местные из деревушки привыкли к нему и не лезли. Иногда кто-то приносил еду — хлеб, сушёное мясо, воду — в обмен на починку. Он умел работать руками. Мог починить дверь, залатать крышу, собрать из хлама что-то полезное. Местные уважали его — и побаивались. Из-за маски. Из-за молчания. Из-за того, как он смотрел — спокойно, прямо, не мигая.

Он провёл здесь несколько лет. Достаточно, чтобы забыть собственное имя.

Но он помнил всё остальное.

Он помнил тот день. День, когда всё изменилось.

Ему было двенадцать. Он жил с родителями в небольшом посёлке у Железной Дороги — десяток домов, водонапорная башня, старая лавка. Отец работал машинистом — водил составы через пустыню от Драй-Галча до Голден-Флэтс. Мать занималась домом. Обычная жизнь. Обычная семья.

Отец часто рассказывал истории — он многое видел в рейсах. Но больше всего мальчик любил истории про Сайласа Буна. Пыльного Короля. Отец говорил о нём так, будто знал лично — хотя они никогда не встречались.

«Сайлас Бун, — говорил отец, и глаза его загорались, — был самым крутым ковбоем за всю эпоху. Он пересёк Пекло. Понимаешь? Туда, где черви, миражи и песок, который течёт как вода. Он сражался с Червём и выжил. Он лишился руки, но продолжал стрелять. И он вернулся. Он знал то, чего не знал никто».

Мальчик слушал с открытым ртом. Он хранил старую газетную вырезку с фотографией Сайласа — Пыльный Король стоял, опираясь на револьвер, и улыбался своей знаменитой улыбкой без трёх зубов. Мальчик смотрел на эту фотографию каждый вечер перед сном и мечтал.

У него были друзья — Кай Рейнольдс и Мира Флинт. Они жили по соседству. Кай был старше на год — крепкий, шумный, всегда лез в драку первым. Мира была тихая, но с таким взглядом, что даже Кай её слушался. Они не были родными. Но ближе, чем брат и сестра.

Вместе они играли в ковбоев у Железной Дороги. Кай говорил: «Я соберу свою команду. Мы будем самыми быстрыми. Нас будут бояться все от Драй-Галча до Чёрного Рынка!» Мира говорила: «А я изменю мир. Вот увидите. Я сделаю так, что никто не будет жить в страхе». А мальчик говорил: «Я найду то, что никто не нашёл. Как Сайлас Бун».

Они верили, что так и будет. Потому что в детстве всегда веришь.

Вечером того дня он вернулся домой поздно. Задержался у Кая — они пытались починить старый радиоприёмник, найденный на свалке у депо. Когда он подошёл к дому, дверь была приоткрыта. Это его не встревожило — мать часто выходила на крыльцо подышать вечерним воздухом.

Он вошёл.

Внутри было темно. Слишком темно. Лампа не горела, хотя мать всегда зажигала её к его возвращению. Тишина стояла такая густая, что он слышал собственное сердце.

— Мам?

Никто не ответил. Даже сверчки за окном, обычно наполнявшие ночь стрекотом, будто исчезли.

Он сделал шаг. Ещё один. И споткнулся обо что-то мягкое.

Руки коснулись чего-то влажного и тёплого. Он поднял ладонь к лунному свету, пробиравшемуся сквозь щель в занавесках. Пальцы были красными.

Тело матери лежало на полу у входа. Она была на спине. Одна рука вытянута к двери — будто она пыталась ползти. На груди расплылось тёмное пятно. Глаза были открыты. Они смотрели в потолок и ничего не видели.

Он не мог пошевелиться. Воздух стал густым, как сироп. В ушах звенело. Он стоял на коленях и смотрел на мать, и мир вокруг сужался до этой одной точки — её лица, её глаз, её вытянутой руки.

Отец лежал в соседней комнате, лицом вниз. Рядом с его рукой валялся старый револьвер — он даже не успел достать его из кобуры. Предохранитель всё ещё был включён.

А в дверном проёме стояла тень.

Высокая фигура в длинном плаще, который доходил почти до пола. Широкая шляпа скрывала лицо — только смутные очертания подбородка. В руке — нож, с лезвия которого медленно срывались тяжёлые капли. Кап. Кап. Кап. Они падали на деревянный пол, и этот звук был громче, чем всё, что он слышал в своей жизни.

Тень смотрела на него. Секунду. Может, две.

— Ты сын машиниста, — произнёс убийца. Голос был спокойный, почти усталый. Так говорит человек, который сделал свою работу и не испытывает по этому поводу ничего. — Тот самый мальчик. Я видел твою фотографию. Ты похож на мать.

Он перевёл взгляд на тело женщины, потом на тело мужчины. Вдохнул — почти по-человечески.

— Твой отец был хорошим человеком. Честным. Такие люди долго не живут. Им кажется, что правда что-то значит. Что если они расскажут кому надо — что-то изменится. — Он покачал головой. — Ничего не меняется. Только мёртвых становится больше.

Он сделал шаг к выходу, вытирая нож о полу плаща — медленно, аккуратно.

— Я мог бы убить и тебя. Ты свидетель. Свидетели — это проблемы. Но мне не заплатили за двоих. А я не работаю бесплатно.

На пороге он остановился. Обернулся. Лица по-прежнему не было видно — только тень под полями шляпы и слабый блеск глаз.

— Забудь этот вечер, мальчик. Если хочешь вырасти — забудь. Если хочешь жить — забудь. Правда не стоит того, чтобы за неё умирать.

И исчез. Мальчик бросился за ним, выбежал на улицу, задыхаясь, с колотящимся сердцем. Но там уже никого не было. Только ветер гнал песок по пустой дороге. Только звёзды равнодушно мерцали над головой. Только тишина — теперь навсегда.

Он вернулся в дом. Сел на пол между родителями. Взял отцовский револьвер. Металл был холодным и тяжёлым. Он держал его до рассвета.

Гильдия Закона приехала на следующий день. Два человека в форме. Один — молодой, с прыщавым лицом и бегающими глазами. Второй — постарше, с усталым взглядом человека, который видел слишком много и уже ничему не удивлялся. Они осмотрели дом, перевернули пару стульев, записали что-то в блокнот.

— Разбойники, — сказал старший, захлопывая блокнот. — Такое случается. Мы займёмся.

И уехали.

Он ждал месяц. Два. Три. Никто не вернулся. Никто ничего не узнал. Никто не спросил, как он живёт теперь один в пустом доме, где половицы всё ещё пахли кровью.

Дело закрыли и забыли.

Он не забыл. Он знал: это были не разбойники. Разбойники грабят. Эти — ничего не взяли. Деньги остались в шкатулке на каминной полке. Отцовский револьвер валялся на полу. Материнское кольцо — на пальце.

Кто-то пришёл именно за его родителями. Кто-то знал, кто они. Кто-то заплатил за их смерть. И Гильдия Закона — та самая Гильдия, которая должна была защищать, — просто закрыла глаза. Или хуже: они знали. Они всегда знали.

И он найдёт этого кого-то. Чего бы это ни стоило.

После похорон всё развалилось.

Он больше не мог оставаться в посёлке. Каждый дом, каждая улица, каждый звук напоминали о том, что он потерял. Кай и Мира пытались его поддержать — приходили, звали гулять, приносили еду. Но он отдалился. Перестал выходить на улицу. Перестал играть. Перестал говорить.

Однажды ночью он просто ушёл.

Шёл куда глаза глядят. Ночевал под открытым небом, зарывшись в песок, чтобы согреться. Побирался. Крал еду на рынках, пока не прогоняли. Пил воду из луж. Несколько раз его подбирали караваны — он работал за еду, чистил котлы, таскал ящики. Но нигде не задерживался.

Пока не забрёл на Станцию Ноль.

Здесь было тихо. Пусто. Никто не задавал вопросов. Он нашёл старый пассажирский вагон — без колёс, с пробитой крышей, но с целыми стенами. Притащил доски, одеяла, старую койку. Сделал себе дом.

Через год после этого началась болезнь.

Сначала — кашель. Сухой, надсадный, как будто песок скрёб изнутри. Он не придавал значения — на станции всегда было пыльно. Потом появилась слабость. Пройти от вагона до деревушки — уже подвиг. Потом он начал задыхаться по ночам. Просыпался в холодном поту, хватая ртом воздух, и не мог вдохнуть — горло сжималось, грудь горела.

А потом он упал.

Прямо среди бела дня, на глазах у деревенских. Шёл за водой и вдруг рухнул, как подкошенный. Очнулся через несколько минут, с песком на щеке и кровью на губах. Старуха из деревушки, местная травница, покачала головой:

— Лёгкие, парень. Что-то с лёгкими. Пыль, грязь, эта станция проклятая. Я не знаю что именно. Но если не сделаешь что-то — долго не протянешь.

Он и сам это знал. Чувствовал, как с каждым днём дышать становится всё труднее. Как воздух становится густым и колючим. Как боль в груди становится постоянной — тупой, ноющей, как старый синяк, который никогда не проходит.

Тогда он начал искать.

В гудах хлама на станции попадались странные вещи. Обрывки старых газет, дневники железнодорожников, технические руководства. В одном из них он прочитал о промышленных респираторах — их использовали рабочие депо. Фильтры с активированным углём. Уголь впитывал яды и пыль.

Однажды мимо станции проходил караван торговцев-скитальцев. Они остановились у деревушки — продавали воду, ткани, лекарственные травы. Он подошёл к ним впервые за долгое время. Денег почти не было, но он выменял несколько пучков сушёных трав на починку их байка — колёса скрипели, ось болталась. Торговцы уехали довольные, а он остался с травами — верблюжья колючка, полынь, шалфей.

Он начал экспериментировать.

Месяцы ушли на поиски материалов. Он рылся в развалинах депо, разбирал старые противогазы, выковыривал угольные картриджи. Крошил уголь в пыль. Смешивал с травами. Дробил кирпичи в минеральную крошку. Пробовал разные пропорции.

Первые версии маски были ужасны. Одна душила сразу — слишком плотный фильтр. Вторая пропускала пыль — он кашлял ещё сильнее. Третья развалилась через час. Он задыхался, кашлял кровью, терял сознание прямо на полу вагона. Соседи из деревушки думали, что он вот-вот умрёт. Иногда он сам так думал.

Но он вставал. И пробовал снова.

И однажды маска заработала.

Он помнил этот момент до мельчайших деталей. Был вечер. Солнце садилось за барханы, окрашивая станцию в оранжевый и розовый. Он надел очередную версию маски, затянул ремни, засыпал в баллончики новую порцию смеси — меньше угля, больше трав, чуть крупнее крошка.

Сделал вдох.

Воздух прошёл через фильтр — прохладный, чистый. Боль в груди не исчезла, но стала терпимой. Второй вдох. Третий. Он не закашлялся. Не начал задыхаться. Он просто дышал.

Он сидел на полу вагона и дышал. Несколько минут. Может, час. Он не помнил. Помнил только, что улыбался. Под маской этого не было видно. Но он знал.

Теперь у него было время.

За годы на станции он научился многому.

Стрелять — каждый день тренировался с отцовским револьвером. Ставил ржавые банки на кучу металлолома и стрелял. С двадцати шагов — пять из пяти. С тридцати — четыре. С пятидесяти — три. Неплохо для самоучки, который никогда не держал оружия в руках до смерти родителей. Он чистил револьвер каждый вечер — разбирал, смазывал, собирал. Это успокаивало.

Он научился слушать. К станции иногда приезжали торговцы — скупали редкие детали, продавали воду, еду, патроны. С ними он почти не говорил. Но слушал. Запоминал. Складывал в голове карту мира, которого не видел.

И однажды услышал разговор, который изменил всё.

Был вечер. Двое торговцев сидели у костра на краю станции. Он собирал детали неподалёку, в тени старого вагона. Они его не видели. Пламя костра плясало, отбрасывая длинные тени.

— Слышал новость? — спросил первый, закуривая трубку. Дым поплыл в вечернее небо.

— Какую?

— Сайлас Бун мёртв.

Рука его застыла в воздухе. Деталь, которую он держал, выпала из пальцев и со звоном упала на рельс. Торговцы не услышали — ветер унёс звук.

— Врёшь, — сказал второй.

— Не вру. Гильдия его. Говорят, выследили где-то в старых шахтах. Кто-то сдал — из своих же. Пришли ночью, взяли тёпленьким. Он даже револьвер не успел достать.

— И что? Повесили?

— Повесили. На рассвете. Тело бросили в Пекло — туда, где песок заметает всё. Но перед смертью он, говорят, сказал кое-что.

— Что?

— «Там, за Песками, есть ответ. Идите и найдите его. Душа Пустыни — не сказка. Я видел её».

Торговцы помолчали. Потом первый сплюнул в костёр.

— Может, и не сказка. А может, просто старик бредил перед смертью. Кто теперь узнает?

— Никто. Но люди всё равно пойдут. Всегда идут. Пекло зовёт.

Они заговорили о другом — о ценах на металл, о налогах Гильдии, о каком-то общем знакомом, который прогорел на контрабанде. Но он уже не слушал.

Сайлас Бун мёртв.

Пыльный Король, легенда его детства, человек, на которого он равнялся всю жизнь. Тот, кто пересёк Пекло и вернулся. Тот, кто знал то, чего не знал никто. Тот, кто сражался с Червём и выжил.

Мёртв.

Гильдия Закона убила его — так же, как убила его родителей. Так же, как они закрыли дело и забыли. Так же, как они покрывают контрабандистов и убийц, пока простые люди умирают в пыли.

Он стоял в тени вагона и смотрел на восток. Солнце уже село. На небе высыпали звёзды — холодные, равнодушные, красивые.

Он сжал кулак. Ногти впились в ладонь.

Потом разжал.

И понял: пора.

Подготовка заняла три месяца.

Он не мог просто встать и уйти. У него не было ничего — только маска, револьвер и старая газетная вырезка с фотографией Сайласа. Пыльный Король улыбался с пожелтевшей бумаги той самой улыбкой, без трёх зубов.

Он собирал воду. Консервы. Патроны. Их было мало — всего пять штук в барабане. Револьвер был старый, но надёжный — отцовский. Тот самый, что валялся на полу в день убийства. Он ни разу не стрелял из него по человеку. Только по змеям, которые заползали в вагон в поисках тени.

Каждый вечер он перебирал вещи. Фотографию родителей — дагерротип, выцветший, но ещё различимый. Мать улыбалась — мягко, тепло. Отец смотрел серьёзно, но в уголках глаз пряталась та самая искра, которую он унаследовал. И газетную вырезку с Сайласом.

И маску. Он проверял её каждый день — фильтры, ремни, баллончики. Запас смеси — уголь, травы, минеральная крошка — он носил в маленьком мешочке на поясе. Без неё он не протянет и дня.

Три месяца. И вот настал день.

Он стоял перед своим вагоном. Солнце клонилось к закату. Тени от остовов поездов легли через всю площадку — длинные, чёрные, резкие. Солнце садилось быстро, как всегда в пустыне. Ветер стих — редкий момент тишины. Даже станция, казалось, затаила дыхание.

Он смотрел на вагон. Несколько лет. Эта груда ржавого железа была его домом. Его тюрьмой. Его могилой, которая не случилась.

Он помнил, как строил этот дом. Первый месяц на станции был самым трудным. Он был слаб, кашель рвал грудь, каждое движение давалось с трудом. Но он таскал доски, листы железа, старые одеяла. Сколачивал, прилаживал, заклёпывал. Получилось уродливо, криво, ненадёжно. Но это был его дом. Единственное место в мире, где он мог просто быть.

Теперь он стоял и понимал: он ненавидит это место.

Не за то, что оно уродливое. За то, что оно стало норой. Он прятался здесь. Ждал смерти. Сдался. Думал, что жизнь кончена.

Ошибался.

Он вошёл внутрь в последний раз. Койка. Ящик. На ящике — ничего. Фотографию он уже забрал. Газетную вырезку — тоже. В углу стояла канистра с маслом — он держал её для лампы. Лампа давно не горела.

Он взял канистру и медленно, методично обошёл вагон. Полил маслом койку. Ящик. Стены. Пол. Каждую доску, которую сам прибивал. Каждый лист железа, который сам тащил через всю станцию. Вышел наружу. Плеснул остатки на дверной проём.

Встал напротив. Достал из кармана коробок — старый, потрёпанный, с единственной спичкой внутри. Он хранил её несколько лет. Сам не знал зачем. Теперь понял.

Чиркнул.

Огонёк был маленький, дрожащий, как последняя надежда. Ветер попытался его задуть, но он прикрыл его ладонью — бережно, как что-то живое. Пламя отразилось в его зрачках. Впервые за долгое время в них был свет.

Пора.

Он бросил спичку.

Огонь вспыхнул мгновенно. Масло занялось с тихим «вух», и через секунду весь вагон был охвачен пламенем. Сухое дерево трещало, как кости. Ржавое железо стонало, расширяясь от жара. Чёрный дым поднимался столбом к небу — туда, где ещё висело закатное солнце.

Он стоял и смотрел, как горит его прошлое. Его страх. Его слабость. Его годы в норе. Всё это превращалось в пепел.

Жарко. Но ему не было жарко. Ему было спокойно. Так спокойно, как не было уже много лет.

Когда крыша рухнула, он выдохнул. Медленно, глубоко. Воздух прошёл через фильтры маски — чистый, прохладный, несмотря на жар и дым.

Всё.

Он развернулся.

Перед ним лежала пустыня. Бесконечная, равнодушная, прекрасная. Барханы уходили к горизонту, растворяясь в вечерней дымке. Где-то там, за песками, были ответы. На его болезнь. На смерть родителей. На всё.

Он поправил шляпу. Проверил револьвер — пять патронов в барабане. Затянул ремни маски.

И шагнул вперёд.

Песок закрипел под ботинками. Ветер ударил в спину — не враждебно, а почти подбадривающе, как старый друг, который говорит: «Ну, наконец-то».

Он шёл на восток. Станция Ноль осталась позади, и он ни разу не оглянулся.

ГЛАВА 2. ЛОГОВО МАДАМ РЖАВОЙ

Станция Ноль осталась позади, и Рейн Харт шёл на восток.

Первые дни были спокойными. Пустыня встретила его равнодушно — ни бурь, ни миражей, ни змей. Только песок, ветер и солнце. Он шёл размеренным шагом, сэкономил силы, делал короткие привалы в тени кактусов. Ночью выкапывал неглубокую яму, заворачивался в пыльник и спал, глядя в звёзды. Они были ярче, чем над станцией — холодные, колючие, как осколки стекла.

На третий день вода закончилась.

Он растягивал её как мог. Глоток на рассвете. Глоток в полдень. Глоток на закате. Но старая жестяная фляга вмещала меньше, чем ему казалось. К вечеру третьего дня он перевернул её над раскрытым ртом, и оттуда не упало ни капли.

— Дерьмо, — сказал он вслух. Голос из-под маски звучал глухо.

Он пошёл дальше.

На четвёртый день начались миражи. Сначала — озеро с голубой водой и пальмами по берегам. Потом — силуэт города на горизонте. Он знал, что это обман, но ноги всё равно несли его туда, пока разум не одёргивал. Мираж. Просто мираж.

К полудню четвёртого дня Рейн почувствовал знакомую тяжесть в груди. Сначала — лёгкое головокружение. Потом — боль, тупая и ноющая, как старый синяк. Дыхание стало чаще. Фильтры маски работали на пределе. Он остановился, достал из поясного мешочка щепотку смеси, чтобы досыпать в баллончики. Мешочек был почти пуст.

Не помогло.

Звон в ушах. Пятна перед глазами. Бархан перед ним поплыл, будто песок стал водой. Рейн попытался сделать шаг, но нога не слушалась. Колено подогнулось. Он упал — сначала на четвереньки, потом на бок. Песок был горячим, обжигал щёку.

«Только не сейчас».

Он попытался встать. Не смог.

Темнота.

Очнулся он от того, что его куда-то тащили.

Чьи-то руки держали за плечи и за ноги. Голоса звучали грубо, небрежно — как люди, которые привыкли к тяжёлой работе и чужой боли.

— Глянь, маска какая. Нахрена ему эта хреновина?

— Да кто ж его знает. Может, рожа гнилая, прячет.

— Или без носа. Помнишь того, безносого, что мы в прошлом году взяли?

— Тот был мертвее этого. Этот пока дышит.

— Ладно, грузите. Мадам разберётся.

Его бросили на что-то твёрдое. Потом — темнота. Полная, глубокая, без снов.

Очнулся он в камере.

Потолок был низкий, из ржавых листов железа, кое-как скреплённых болтами. В щели пробивался тусклый свет. Где-то капала вода — мерный, раздражающий звук. Пахло маслом, потом, ржавчиной и чем-то кислым — то ли прокисшей едой, то ли мочой. Воздух был спёртый, тяжёлый, но маска справлялась.

Рейн сделал глубокий вдох. Фильтры работали. Уже хорошо.

Он попытался пошевелиться. Руки свободны. Ноги тоже. Кобура на месте — но пустая. Мешочек с фильтрующей смесью исчез. Рейн стиснул зубы.

Револьвер. Забрали отцовский револьвер.

Он сунул руку за пазуху. Фотография родителей — на месте. Газетная вырезка с Сайласом — тоже. Хотя это не тронули.

Он повернул голову.

Рядом с койкой, на перевёрнутом ящике, сидела девочка.

Она была маленькая, щуплая, лет двенадцати. Огромная ковбойская шляпа сползала на глаза, и она то и дело поправляла её тыльной стороной ладони. Мешковатая рубаша, подпоясанная верёвкой. Штаны с заплатками, подвёрнутые до колен. Ботинки на размер больше — при каждом движении пятки выскакивали наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.